

Под спудом⁸³

Мы получили за прошлый месяц ворох писем: сердце обливается кровью и кипит бессильным негодованием, читая, что у нас делается *под спудом*.

⁸³ «Под спудом». Впервые опубликовано в «Колоколе» (1857. № 5).

Прежде нежели мы начнем страшный перечень злодеяний, мы еще раз умоляем всех особ, пишущих к нам, проникнуться — ради нашего дела, ради смысла и значения, которое мы хотим ему приобрести, — что всякий факт неверный, взятый по слухам, искаженный, может сделать нам ужасный вред, лишая нас доверия и позволяя преступникам прятаться за ошибочно обвиненных.

Одна горячая любовь к России, одно глубокое убеждение, что наш обличительный голос полезен, заставляет нас касаться страшных ран нашего жалкого общественного быта и их гноя. Мы крик русского народа, битого полицией, засекаемого помещиками, — да будет же крик этот исторгнут одной истинной болью! Отсутствие николаевского гнета как будто расшевелило все гадкое, все отвратительное, все ворующее и в зубы бьющее — под сенью императорской порфиры. Точно как по ночам поднимается скрытая вонь в больших городах во время оттепели или перед грозой.

Для нас «так это ясно, как простая гамма»: или *гласность* — или все начинания не приведут ни к чему. И не иноказательная гласность повести, намеков, а обличительные акты с именами, с разбором дел и действий лиц и правительственных мест.

Искренно, от души жалеем мы Александра II, его положение действительно трагическое, не рассеять ему туман, скрывающий от него страшное состояние России, он устанет от борьбы, оттого, что борьба всего труднее в безгласную ночь, да еще не с врагами, а с толпой клеветов и мошенников.

Зачем он не знает старой русской пословицы: «Не вели казнить, вели правду говорить»? Это единственное средство *правду узнать!*

Вести, полученные нами, до того страшны, до того гадки — и лучшие из них до того глупы, что мы теряемся, с чего начать. Их все можно разделить на две части: *часть сумасшедшего дома и часть смиренного дома*. Во всех действуют безумные и воры, в разных сочетаниях и переложениях, иногда воры и безумные вместе, иногда безумные, но не воры (нет, это мы обмолвились: все воры), — воры смиренные, воры бешеные, воры цепные, а потом духовные, военные, городские, полевые, садовые воришки; — все это восходит, поднимается от станowych приставов, заседателей, квартальных до губернаторов, полковников, от них до генерал-адъютантов, до действительных тайных советников (2-го класса и 1-го класса) и оканчивается художественно, мягко, роскошно, женственно в Мине Ивановне, этой Слюаса Махима⁸⁴ современных гадостей, обложенной бриллиантами, золотой и серебряной работой (Сазикова⁸⁵), с народным калачом и православной просвирой* в руке, на которой потомок старинной русской фамилии велел вырезать: «Благословенна ты в женах!» — Хорош архангел, да и пречистая дева не дурна! <...>

Герцен А. И. Собр. соч. Т. 13. С. 80—81.

⁸⁴ *Мина Ивановна* — любовница всемогущего в то время министра двора гр. Адлерберга, открыто бравшая громадные взятки с лиц, желающих получить ее покровительство или содействие в делах. *Слюаса Махима* — большая труба для спуска нечистот в Древнем Риме.

⁸⁵ *Сазиков* — владелец мастерской по изготовлению серебряных и золотых изделий.

* Тоже Сазикова работы (примеч. Герцена).